

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.32>

Ма Жюе

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В МЕМУАРНОМ ДИСКУРСЕ

В центре внимания данной статьи - личность автора-повествователя маршала К. К. Рокоссовского, какой она предстает по его мемуарам "Солдатский долг". В статье проводится дискурсивный анализ текста, который позволяет наблюдать за его компонентами, взаимодействующими между собой при создании единого смыслового целого, и составить представление о личности автора-маршала в процессе и результате динамического развития содержательных планов мемуарного дискурса, к которым относятся план представления автором референтной информации, план факультативной информации, план оценки и план психологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 162-166. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 02.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.32>

В центре внимания данной статьи – личность автора-повествователя маршала К. К. Рокоссовского, какой она предстает по его мемуарам «Солдатский долг». В статье проводится дискурсивный анализ текста, который позволяет наблюдать за его компонентами, взаимодействующими между собой при создании единого смыслового целого, и составить представление о личности автора-маршала в процессе и результате динамического развития содержательных планов мемуарного дискурса, к которым относятся план представления автором референтной информации, план факультативной информации, план оценки и план психологии.

Ключевые слова и фразы: мемуары; дискурс; информационная структура; личность автора-повествователя; дискурсивный анализ.

Ма Жюе

Санкт-Петербургский государственный университет
ma.jue@yandex.ru

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В МЕМУАРНОМ ДИСКУРСЕ

Мемуары – записки, воспоминания исторического лица о реальных событиях прошлого, участником которых ему довелось быть, построенные в строгом соответствии с исторической правдой, – пишутся от первого лица и, таким образом, представляют восприятие этих событий. Охватывая большой или, может быть, относительно небольшой, но значимый в историческом плане период, мемуары позволяют наблюдать над образом повествователя и над теми изменениями в его характере, которые являются результатом участия в излагаемых событиях [1]. В настоящее время мемуары в числе эго-документов привлекают к себе большое внимание, прежде всего, со стороны изучения личности повествователя, чем определяется **актуальность** данного исследования.

При изучении личности автора-повествователя мемуаров реализуются разные подходы к анализу текста. Обобщая их и опираясь на работы Б. А. Успенского [7], И. И. Бакланова выдвигает четыре параметра: наблюдение за *планом оценки*, считая его «непосредственным источником представлений об образе автора», анализ *плана выбора языковых средств* как проявление человеческих качеств повествователя, *плана факультативной информации*, по которому можно судить «об интересах, пристрастиях, кругозоре и т.п.» и *план психологии*, «который посвящен представлению психологического состояния автора в описываемых событиях» [2, с. 322]. Представляется, что выдвинутые параметры при том, что они опираются на «стороны личности», не рядоположены, так, например, план выбора языковых средств, строго говоря, распространяется и на все остальные аспекты. Предлагается выделить несколько иное наполнение и порядок расположения «планов»: план *представления автором основной (референтной) информации*; план *факультативной информации*, обращаясь к описаниям, характеристикам персонажей; план *оценки*, органично мотивированной совершающимися событиями; план *психологии* – наблюдение за психологическим состоянием персонажа.

Говоря о тексте, Ю. М. Лотман отмечал, что каждая из его частей, «в определенном смысле, может функционировать как вполне самостоятельная, и одновременно все они, в другом аспекте, образуют нерасчлененное функциональное единство». Он считал это «фундаментальным свойством текста» [5, с. 4]. Представляется, что в таком случае можно говорить о *дискурсивном анализе*, приводящем как к выявлению значений отдельных компонентов текста и служащих их выражению языковых средств, так и к наблюдению за динамическим развитием заложенных в них значений, приводящих к пониманию смысла целого. Напомним положение Ю. М. Лотмана: «Вопрос о “сцеплении” текстов с реальностью не должен трактоваться примитивно. Речь может идти не только о соотношенности тех или иных текстов с определенной реальностью, а о складывании определенных текстовых пластов в замкнутые миры, которые в целом соотносятся тем или иным образом с внесемиотической реальностью» [4, с. 28]. Речь идет о том, что «извлечение» образа из текста оказалось возможным при обращении к дискурсивному анализу, который, «будучи событием знака», «есть нечто большее, нежели просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это “нечто большее” и позволяет ему быть несводимым к языку и речи» [8, с. 50].

Свою **цель** мы видим в выявлении особенностей представления личности автора-повествователя в мемуарах с помощью метода дискурсивного анализа. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: а) выделить текстовые компоненты, которые можно рассмотреть как проявление соответствующего плана; б) проанализировать языковые средства, служащие формированию этих планов; в) определить взаимодействие компонентов; г) описать черты образа персонажа-повествователя, складывающиеся к концу текста в единое целое.

Научная новизна данной работы обусловлена тем, что личность автора-повествователя мемуаров впервые рассматривается в динамично развивающемся дискурсе, где его мысль продвигается по схеме «повествование о событиях – описание событий – оценка событий и их участников – психологическое состояние автора».

Среди мемуарной литературы – воспоминаний политических деятелей, инженеров-изобретателей, ученых, артистов – удерживают читательский интерес военные мемуары, написанные после Великой Отечественной войны ее участниками, в том числе военачальниками, прошедшими трудный путь и способными рассказать о сложном и неоднозначно оцениваемом историками развитии военных событий. К числу таких мемуаров относятся воспоминания К. К. Рокоссовского «Солдатский долг», последним изданием вышедшие в 2018 году.

К. К. Рокоссовский (1896-1968) считается одним из выдающихся полководцев Великой Отечественной войны, он прошел три войны: Первую мировую, Гражданскую и Вторую мировую, закончив ее маршалом Советской армии; именно он отдавал рапорт маршалу Г. К. Жукову на Параде Победы 1945 года. При этом его мемуары называются «Солдатский долг», что соответствует самоощущению маршала, до конца выполнившего свой долг в тяжелейшей войне 1941-1945 гг.

1. План референтной информации

Основное содержание книги Рокоссовского охватывает время с начала Великой Отечественной войны (чему предшествует краткая биографическая справка об авторе) до ее завершения в Берлине с рассказом об обмене визитами с англичанами, их командующим Монтгомери и выражением уверенности в том, что люди разных государств с разной идеологией могут жить в дружбе, если уважают друг друга.

Хорошо известно, каким было начало войны: автор прямо говорит об этом: «...с беззаветной храбростью дрались многие наши части и соединения. <...> На первый план выдвигалась задача задержать, остановить врага. Это был вопрос жизни или смерти для всей страны» [6, с. 26-27].

Сообщение в прошедшем времени может иметь два значения: это выражение мысли, для которой «сегодня» – время написания текста, или это понимание ситуации в описываемый период и включение читателя в реальное прошлое. В данном случае речь идет о ясном осознании ситуации в первый месяц войны. Все дальнейшее повествование развивается по двум линиям: представляется само событие и его осмысление персонажем. Так развивается образ мыслящего, смотрящего вперед, умеющего разбираться в сложившейся ситуации военачальника.

Анализ и понимание ситуации способствовали проведению операций, в ходе которых достигались первые успехи: «Правда, успехи по масштабам носили тактический характер. Но они способствовали укреплению дисциплины в войсках, ободряли бойцов и командиров, которые убеждались, что способны бить врага. Тогда это многое значило» [Там же, с. 40]. Таким образом, поведение персонажа уже в начальный период войны обозначило некоторые качества его личности, которые будут все более определенно проявляться в дальнейшем.

Следующий этап развития событий связан с битвой под Москвой. Положение было крайне тяжелым. На этом фоне важно было увидеть то положительное, что дает надежды на успех. Повествователь, теперь уже командующий армией, переносит точку наблюдения на тот критический момент, актуализируя главное в структуре ситуации, четко организуя коммуникативную структуру высказываний: выделенные темы-новое со значением противопоставления не нарушают нормативной актуализации ремы-главного в конце: «Все, что мы увидели в Волоколамске, напоминало мне обстановку, в которой уже пришлось воевать в июле... Но тогда я прибыл на угрожаемый участок только с горсткой незнакомых офицеров, даже без средств связи. А сейчас, в октябре, командующий армией имел хорошо сколоченный штаб, оснащенный всеми необходимыми средствами, способный быстро установить связь и наладить управление. Личный состав штаба прошел уже суровую школу войны в весьма сложных условиях. Люди срабатывались, знали и понимали друг друга...» [Там же, с. 69].

Из событий следующего периода, когда Рокоссовский был назначен командующим одной из армий Сталинградского фронта, еще не начавшего решительных действий, отметим выработку тактик боя на основе полученных от разведки данных и поиск оптимальных путей их реализации: «Вся эта система вражеской обороны натолкнула на мысль нанести удары последовательно то по одному, то по другому опорному пункту... Операция прошла удачно. <...> Мы убедились, что принятый метод правилен. Следуя ему, будем добиваться успеха при наименьших потерях» [Там же, с. 134-135]. Отметим это стремление командующего в качестве одного из основных. Информационная структура предложений организуется так, что главное в сообщении и здесь занимает позицию ремы, создавая тональность активного утверждения.

В это время Рокоссовский был тяжело ранен, лечился в Москве, а как только стало возможно, вернулся на фронт. Противник уже был окружен в Сталинграде, но он еще имел значительные силы. Во время встречи в дружеской обстановке нового 1943 года собравшиеся вспомнили, что в истории войн врагу в тяжелом состоянии предъявлялся ультиматум о сдаче. С этой идеей Рокоссовский обратился в Генштаб. Текст ультиматума был составлен и представлен в книге. Этот эпизод имеет важное значение для характеристики нашего повествователя, приведем некоторые из его пунктов:

«Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность.»

Всем сдавшимся... немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь» [Там же, с. 194].

Комментируя указанные пункты, обратим внимание на актуализацию основного: *гарантируем жизнь и безопасность; нормальное питание; медицинская помощь.* Можно сделать вывод о том поистине «рыцарском кодексе», которым руководствовался в своем поведении Рокоссовский в условиях известности о жестоком поведении фашистов на захваченной территории. Забегая вперед, отметим его приказы о поведении советских военных в побежденной Германии, которые должны были убедить население Германии в том, что советского солдата бояться нечего, наоборот, он «защитит слабого, поможет обездоленному» [Там же, с. 392].

Дальнейшие события охватывают сражения на Курской дуге, на Белорусской земле, в Восточной Пруссии – до наступления на Берлин. Меняется масштаб событий, что определяется ходом войны, повышением в должностях Рокоссовского, но по-прежнему проявляются основные качества его личности. Актуализированными оказываются: а) стремление адекватно представить события даже на конечном этапе войны; б) неослабевающее напряжение в решении боевых задач; в) в разработке планов осуществляется опора на разведку и подготовку к каждой операции; г) установка на сохранение солдат.

Итак, основываясь на информационной структуре текста, его повествовательном развертывании, оказалось возможным выделить основные качества в образе создателя мемуаров – крупного военачальника, – которые нашли актуализированное представление в сообщениях о его действиях, осуществлявших возложенные на него обязанности.

II. План факультативной информации

Расширение представлений о повествователе связано с введением факультативной информации об отдельных эпизодах, в которых проявляются его личные особенности, хотя в рамках жанра и они носят профессиональный характер. Например, обеспокоенный устройством ячеек для солдат вместо окопов, повествователь отправился на ночь в такую ячейку, сменил солдата и остался один: *«Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. <...> Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!.. Система ячейечной обороны оказалась для войны непригодной»* [Там же, с. 48-49].

Очевидно, что частные случаи могли бы не присутствовать в тексте или быть изложенными в чисто документальном тоне, их введение в стиле, адекватном реальному положению дел, становится отражением многогранности фронтовой жизни, а в тексте, вписываясь в нарратив иной – официально-заданной тональности, часто вносят элемент комического, необходимый для разрядки, в том числе и читательского, напряжения.

III. План оценки

План оценки пронизывает все повествование, и поэтому выделение его в отдельный «план» при описании общего облика повествователя достаточно условно. Оценка (de-re) часто сопровождает описание событий: *операция прошла успешно, хорошо помогли нам летчики* и т.п. Однако ей посвящаются и специальные комментарии, выражающие оценочную точку зрения повествователя. В тексте рассматриваемых мемуаров это два типа, связанные либо с отдельными личностями, либо с отношением к общему ходу событий, к руководящим указаниям, прежде всего, Генштаба и Ставки. Приведем примеры.

А. Утверждая, что *«изучение характера подчиненных командиров – необходимейшая сторона подготовки к бою»* [Там же, с. 72], автор внимательно приглядывался к окружающим. Часто он давал краткую характеристику: *«Зародившийся было... холодок исчез, в общем, Михаил Сергеевич Малинин с первых же дней показал себя умницей, опытным и энергичным организатором. Мы с ним сработались, а впоследствии хорошо, по фронтовому, сдружились»* [Там же, с. 45]. Заметим попутно, что здесь и в подобных случаях основной чертой при позитивной оценке автором выделяется ум (*вдумчив; показал себя умницей*). Особый интерес представляют развернутые характеристики, они несут информацию и о самом повествователе: *«С Василием Ивановичем Чуйковым я встретился впервые и сразу проникся к нему глубоким уважением. Мне всегда нравились люди честные, смелые, решительные, прямые. Таким представлялся мне Чуйков. <...> На меня этот человек произвел сильное впечатление, и с первого же дня знакомства мы с ним сдружились»* [Там же, с. 187]. Характеристика четко складывается из нескольких значимых частей: общая характеристика, её конкретизация, особо отмечаемое мужество. Значима заключительная фраза: *мы с ним сдружились* при разных значениях в языке: *подружились и сдружились*.

Анализ особых отношений с Г. К. Жуковым проходит через весь текст. Признавая за командующим большие достоинства, автор говорит о чертах этой личности, которые неприемлемы для него. Так, в сложившейся под Москвой обстановке, когда городу угрожал обстрел крупнокалиберной артиллерией и силы фронта были на пределе, их отношения обострились. При этом проявились такие качества повествователя, как выдержка и независимость, определяемые уверенностью в своей правоте. Повествовательный режим текста сменяется рассуждением по поводу неприемлемости поведения начальника: *«Некоторая нервозность и горячность, допускаемая в такой сложной обстановке, в которой находился Западный фронт, мне была понятна. И все же достоинством военного руководителя в любой обстановке являются его выдержка, спокойствие и уважение к своим подчиненным»* [Там же, с. 111].

Б. Весь текст пронизан размышлениями о характере военных событий и о тех шагах, которые предпринимаются Ставкой – чрезвычайным органом высшего военного управления, осуществлявшим в годы Великой Отечественной войны стратегическое руководство Советскими Вооруженными Силами, – и Генштабом. Характерна мысль, сформулированная повествователем, только что получившим ранение – в отличие от предыдущих войн за столом в штабе от случайно разорвавшегося снаряда: *«Не то время. Не та война. И должность не та...»* [Там же, с. 140]. Ни Первая мировая, ни Гражданская не требовали того глубокого осмысления событий, постоянного учета большого круга вопросов, которые сопровождали каждый шаг этой войны. Критические размышления касаются как общего хода событий, так и отдельных ее участков.

«Уходил я из Генерального штаба с тяжелым чувством обиды и болью в сердце» [Там же, с. 158].

Приведем пример, в котором автор высказывает и доказывает мнение о ненужности инстанции – представителей Ставки, при этом *«это мнение сохранилось и сейчас, когда я пишу воспоминания»* [Там же, с. 333]. Так, он получает распоряжение начать наступление, которое считает неподготовленным и преждевременным: *«Я не буду описывать произведенного на меня эффекта огня наших средств, но то, что мне пришлось видеть и испытать в ответ на наш огонь со стороны противника, забыть нельзя... Какая тут атака! Тело нельзя было оторвать от земли...»* [Там же, с. 332]. Повествование отмечено редкими для текста средствами выражения эмоций, крайней взволнованности.

Таким образом, по ходу изложения событий автор высказывает и свою точку зрения, которая может расхожиться с указаниями Ставки. В военное время это достаточно рискованная позиция. При этом для того,

чтобы ее доказать, автор подвергает себя непосредственной опасности, выходя на передовую. Цель, однако, одна – уберечь, сохранить людей.

Во всех рассмотренных случаях речь идет об эксплицитной оценке, хотя оценочный «пласт» в тексте значительно шире. Личность автора-повествователя проявляется через его эмоционально-оценочные отношения к окружающей действительности.

IV. План психологии

Наблюдение за психологическим состоянием персонажа-повествователя частично уже осуществлялось, когда сообщалось о его беспокойстве в связи с отступлением наших войск, при обнаружении ошибок в общем руководстве войсками. Приведем примеры частного характера, которые позволят сделать некоторые выводы о владении человеком своими чувствами в сложных ситуациях. Так, например, в первые дни войны при встрече с людьми, отбившимися от своих частей, он встретил офицера в высоком звании: «Слово “полковник” он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло» [Там же, с. 28]. В начале данного фрагмента создается напряженная атмосфера, о чем свидетельствуют описание психологического состояния, высокий темп повествования с использованием глаголов совершенного вида, введением причастия и деепричастия, «спрессовывающих» информацию, эмотивные слова и т.д. А заключительное высказывание звучит, скорее, как упрек себе, а не полковнику.

Но это только один случай крайнего проявления раздражения, хотя упоминания об эмоциональном отношении к происходящему довольно часты.

И наоборот, особой радостью окрашены упоминания о достойных людях: «Я внимательно приглядывался к генералу И. Д. Черняховскому. Это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек!» [Там же, с. 237]. Обилие прилагательных с положительной оценкой, выражение отношения в форме восклицания эксплицитно отражают умение видеть и ценить положительные качества подчинённых.

Таким образом, психологический план не обнаруживает резких сбоев, все эмоции присутствуют, но по принципу, как сам пишет автор-маршал, «все должно иметь меру» [Там же, с. 178], не делая тем не менее человека скучным, однообразным, неинтересным.

Проанализировав приведенные примеры, можно прийти к **выводам**, что выделенные четыре плана, создающие мемуарный дискурс как единое целое, позволяют увидеть и понять личность автора-повествователя. В военных мемуарах *план референтной информации* носит нарративный характер, охватывая события четырех лет напряженной борьбы, позволяя проводить наблюдение за изменением не только характера событий, но и поведения героя-повествователя; *факультативная информация* расширяет возможности выводить сообщение за пределы строго регламентированных военных данных. Оба приведенных аспекта по определению включают *оценку, хотя она получает и самостоятельное выражение*. Аспект *психологии* базируется на предшествующих трех планах, подчеркивая возможность обратиться к тексту как целому и обобщая представление о характере персонажа.

Возвращаясь к образу автора-повествователя, выделим такие его черты, как преданность главному делу – организации военных действий, которому он отдает свои силы, мысли, эмоции, – что захватывает и читателя, оставляя в его душе чувство глубокого уважения и благодарности к одному из героев войны.

Представляется, что данный подход при анализе текста может быть использован применительно к другим жанрам эго-документов, в том числе дневникам, запискам и т.п., с целью выявления личности автора с такой точки наблюдения, которая охватывает целый текст как динамично развивающийся дискурс.

Список источников

1. Аникудимова Е. Н., Швец А. В. Личное повествование как проблема. XX Фулбрайтская летняя школа «Личное повествование как живая история» (МГУ, 27-30 июня 2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2018/3/lichnoe-povestvovanie-kak-problema.html> (дата обращения: 31.05.2019).
2. Бакланова И. И. Информация об авторе и предполагаемом адресате как компонент содержания нехудожественного текста (на примере текстов мемуаров) // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2016. С. 322-332.
3. Золян С. Т. Юрий Лотман о тексте: идеи, проблемы, перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2016/3/yurij-lotman-o-tekste-idei-problemy-perspektivy.html> (дата обращения: 31.05.2019).
4. Лотман Ю. М. Асимметрия и диалог // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: ТГУ, 1983. Вып. 635. С. 15-30.
5. Лотман Ю. М. От редакции // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: ТГУ, 1982. Вып. 576. С. 3-9.
6. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Вече, 2015. 400 с.
7. Успенский Б. А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 9-220.
8. Фуко М. Археология знаний. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
9. Шилихина К. М. Иронический комментарий в структуре информационно-публицистических текстов // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2016. С. 618-628.

AUTHOR-NARRATOR'S PERSONALITY IN MEMOIRS DISCOURSE

Ma Ruyе

Saint-Petersburg University
ma.jue@yandex.ru

The article considers the author-narrator Marshal K. K. Rokossovsky's personality as it is represented in his memoirs "Soldier's Duty". The discursive analysis of the text allows the researcher to identify its components interacting with each other to form a single whole and helps to understand Rokossovsky's personality manifesting itself in the process of the dynamic development of the memoirs discourse planes, which include a referential information plane, an optional information plane, an evaluative plane and a psychological plane.

Key words and phrases: memoirs; discourse; information structure; author-narrator's personality; discourse analysis.

УДК 81-139

Дата поступления рукописи: 13.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.33>

В статье исследуются закономерности формирования натальных примет. Метод структурно-семиотического анализа наглядно демонстрирует, что в основе их образования лежат структурно-семиотические модели. Они состоят из актуализированных признаков бинарных семантических оппозиций, в которых реализуются означающие и означаемые примет. На вербальном уровне структурно-семиотические модели наполняются разнообразными кодами, имеющими высокую культурную значимость, и лексическими единицами. Основанием отнесения той или иной натальной приметы к соответствующему семантико-функциональному классу является идентичность семантических признаков структурно-семиотических моделей или изофункциональность признаков означающего по отношению к означаемому.

Ключевые слова и фразы: народная примета; бинарная семантическая оппозиция; структурно-семиотическая модель; изофункциональность; семантико-функциональный класс.

Страусов Виктор Никитович, д. филол. н., доцент**Страусова Светлана Константиновна**, к. филол. н., доцент**Фролова Анастасия Вадимовна**

Пятигорский государственный университет

victor-strausov@mail.ru; svetlana-strausova@yandex.ru; frolova-nastya19@yandex.ru

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАССЫ НАТАЛЬНЫХ ПРИМЕТ

*Статья выполнена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00058-а).*

Вопрос о научных методах классификации примет, несмотря на многочисленные работы в этой области, по-прежнему остается актуальным для лингвистики малых фольклорных форм. Предлагаемые методы: структурно-семантические [7], структурно-логические [12; 13; 18], функциональные [8; 17] и тематические [5], – учитывают семантические, логические, функциональные и тематические признаки примет, но имеют все же ряд существенных недостатков.

Недостаток структурно-семантического метода заключается в том, что выделяемые бинарные семантические структуры моделей чрезвычайно общи и не объясняют, какие конкретные признаки примет задействованы в формировании моделей и какие функции они выполняют. Функциональная методология, опираясь на теорию речевых актов, не вскрывает глубинных структур примет и игнорирует их прогностический аспект. Структурно-логические методы позволяют установить только логические связи между событийной частью приметы и ее прогнозом. Тематическая классификация группирует приметы, исходя из общего для них смыслового признака. Однако выбор смысловых признаков определяется исследователем произвольно. В результате одна и та же примета может быть отнесена к различным классам.

Актуальность настоящего исследования состоит в том, что предлагаемый нами метод исключает эти недостатки и дает возможность подойти к решению вопроса о классификации примет со структурно-семиотических позиций, учитывающих отличительные признаки структурно-семиотических моделей, по которым приметы формируются.

Цель статьи – выявить особенности структурно-семиотических моделей, по которым формируются натальные приметы, и установить их принадлежность к соответствующим семантико-функциональным классам.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) определить, в каких бинарных семантических оппозициях реализуются культурные коды событийной части и прогноза примет;
- 2) реконструировать и сопоставить структурно-семиотические модели примет;